

MILHIST

INFO

УДК 94(47).045
ББК 63.3(2)45

Молочников А.М. Мастера подкопного дела в осажденном Смоленске (новые данные о саперной службе в 1609-1611 годах)

Аннотация: Статья подготовлена к 410-летию начала обороны Смоленска 1609-1611 годов. Впервые в отечественной историографии автор приводит сведения о смоленских мастерах подкопного дела начала XVII века и их деятельности в годы обороны города от польско-литовского войска. Для исследования привлекаются документы смоленской воеводской избы из шведского королевского архива: Записная книга за октябрь 1609 года и Расходная книга за март 1610 года. На основе этих данных автор реконструирует систему «слухов» в осажденном Смоленске и некоторые подробности «подкопного дела».

Ключевые слова: XVII в., Польша, Россия, Смутное время, осады.

Автор: Молочников Александр Михайлович. Россия, г. Санкт-Петербург. В 2008 году закончил исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. В 2015 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Смоленский служилый город в Смутное время». Область научных интересов: история обороны Смоленска в 1609-1611 гг.; история русской дворянской конницы в XVI-XVII вв. almolochnikov@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Elisabeth Löfstrand, Per Ambrosiani. The Stockholm Smolensk archives: History, contents and cataloguing // Петербургский исторический журнал. — СПб., 2017. — № 3.

Селин А.А. «Смоленский архив» и королевские пожалования под Смоленском 1610-1611 гг. // Wschodni Rocznik Humanistyczny. — 2018. — Т. 15. — № 1.

Тюменцев И.О. Архив Смоленской приказной палаты Смутного времени: перспективы изучения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — 2018. — Вып. 8.

Молочников А.М. «У Государева дела, у «слухов»: саперная служба в Смоленске в 1609–1611 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 23-70. <http://www.milhist.info/2014/05/21/molochnikov_4> (21.05.2014).

Письма Я. Задзика Л. Гембицкому // Эйлбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. — Новосибирск, 2013.

Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 17 об.

Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. — СПб., 1859. — Т. 1.

Смирнов Н.В. Боевые слуги в составе русской поместной конницы в период Ливонской войны [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. I. Статьи. Вып. II. — С. 296-338 <http://www.milhist.info/2013/08/20/smirnov_01> (20.08.2013).

Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 464.

"Роспись Смоленского полону, которые взяты в Смоленске" // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. — СПб., 1913. — Т. 142.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2020/05/26/molochnikov_7

Ссылка для печатных изданий:

Молочников А.М. Мастера подкопного дела в осажденном Смоленске (новые данные о саперной службе в 1609-1611 годах). [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2020. — Т. XI. — С. 86-133. <http://www.milhist.info/2020/05/26/molochnikov_7> (26.05.2020).

Molochnikov A.M. Sapping masters in besieged Smolensk (new data on sapper service in 1609-1611)

Summary: This article was prepared for the 410th anniversary of the beginning of the defence of Smolensk in 1609-1611. For the first time in Russian historiography, the author provides information about Smolensk masters of underground mining at the beginning of the seventeenth century and their activities during the city's defence against the Polish-Lithuanian army. The article uses documents of the Smolensk Voivodeship from the Swedish Royal Archive: the Notebook for October 1609 and the Account Book for March 1610. Based on these data, the author reconstructs a system of "rumours" in the besieged Smolensk and some details of the "sapping".

Keywords: seventeenth century, sieges, Poland, Russia, Time of Troubles.

Author: Molochnikov Alexander Mikhailovich. Russia, St. Petersburg. In 2008 he graduated from the History Department of St. Petersburg State University. In 2015, he defended his thesis for the degree of candidate of historical sciences on the topic "Smolensk service town in the Time of Troubles". Research interests: the history of the defence of Smolensk in 1609-1611; the history of the Russian noble cavalry in the sixteenth-seventeenth centuries.

References:

Elisabeth Löfstrand, Per Ambrosiani. The Stockholm Smolensk archives: History, contents and cataloguing // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. — SPb., 2017. — № 3.

Selin A.A. «Smolenskij arhiv» i korolevskie pozhalovaniya pod Smolenskom 1610-1611 gg. ["Smolensk archive" and Royal grants under Smolensk 1610-1611] // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. — 2018. — T. 15. — № 1.

Tjumencev I.O. Arhiv Smolenskoj prikaznoj palaty Smutnogo vremeni: perspektivy izuchenija [Archive of the Smolensk chamber of orders of the time of Troubles: perspectives of study] // *Drevnjaja Rus': vo vremeni, v lichnostjah, v idejah*. — 2018. — Vyp. 8.

Molochnikov A.M. "In Sovereign Affairs, "rumors": sapper service in Smolensk in 1609-1611 years [Electronic issue] // *History of military art: researches and sources*. — 2014. — Vol. V. — P. 23-70. <http://www.milhist.info/2014/05/21/molochnikov_4> (21.05.2014).

Pis'ma Ja. Zadzika L. Gembickomu [Letters of J. Zadzik to L. Gembicki] // *Jejlbart N.V. Smutnoe vremja v pol'skih dokumentah gosudarstvennogo arhiva Shvecii*. — Novosibirsk, 2013.

Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:250 [Zapishnaja kniga Smolenskogo Razrjada (voevodskoj izby)]. — L. 17 ob.

Dnevnik Maskevicha 1594-1621 [Maskiewicz's Diary 1594-1621] // *Skazaniya sovremennikov o Dmitrii Samozvance*. — SPb., 1859. — T. 1.

Smirnov N.V. Combat servants in the Russian local cavalry during the Livonian war [Electronic issue] // *History of military art: researches and sources*. — 2013. — Special issue. I. The Russian army in the era of Tsar Ivan IV the terrible: materials of scientific discussion for the 455th anniversary of the beginning of the Livonian war. — Ch. I. Articles. Vol. II. — P. 296-338 <http://www.milhist.info/2013/08/20/smirnov_01> (20.08.2013).

Pohod ego korolevskogo velichestva v Moskvu [Rossiju] 1609 goda [The campaign of his Royal Majesty in Moscow [Russia] 1609] // *Russkaja istoricheskaja biblioteka*. — SPb., 1872. — T. I. — Stb. 464.

Internet link:

http://www.milhist.info/2020/05/26/molochnikov_7

Reference link:

Molochnikov A.M. Sapping masters in besieged Smolensk (new data on sapper service in 1609-1611) [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2020. — Vol. XI. — P. 86-133. <http://www.milhist.info/2020/05/26/molochnikov_7> (26.05.2020).

МАСТЕРА ПОДКОПНОГО ДЕЛА В ОСАЖДЁННОМ СМОЛЕНСКЕ (НОВЫЕ ДАННЫЕ О САПЕРНОЙ СЛУЖБЕ В 1609-1611 ГОДАХ)

Смоленская оборона 1609-1611 годов — одно из судьбоносных событий истории России. Осада города началась в условиях Смуты и продолжалась во время «междоусобицы», когда марионеточная боярская Дума в Москве требовала сдать город польско-литовскому войску. Вопреки всем обстоятельствам защитники Смоленска продержались в осаде 20 месяцев, или 625 дней. В итоге город не капитулировал, а был взят после кровопролитного штурма.

Оборона Смоленска достаточно подробно отразилась в документах и свидетельствах современников. Чудом уцелевшие в Польше, а затем и в Швеции трофейные документы смоленского «штаба» — Разрядной избы, издавались С.В. Соловьёвым и Ю.В. Готье¹. Некоторая часть документов из архивов Швеции так и осталась неопубликованной. Уже в наше время благодаря совместной работе исследователей из России и Швеции (И. Кальниенца, Э. Лёфstrand, А. Селина и других), удалось выявить, систематизировать и оцифровать многие ранее неизвестные рукописи².

Обращение к новым источникам позволяет осветить неизвестные страницы борьбы за Смоленск в 1609–1611 годах.

Подземная война, то есть борьба с вражескими подкопами под стены крепости, продолжалась почти весь период обороны. От ее исхода во многом зависела судьба крепости. В монографиях по истории обороны Смоленска (В.П. Мальцева и С.В. Александрова) борьбе с подкопами посвящено не более трех страниц³.

В 2014 году вышла отдельная статья о саперной службе 1609-1611 годов⁴. Но в этой статье остались нераскрытыми важные вопросы:

1. Польские источники однозначно свидетельствуют о неких «мастерах», которые вели борьбу с подкопами⁵. Между тем в опубликованных русских документах об этих мастерах нет ни слова. Так кто же были эти таинственные профессионалы саперного дела в осажденном Смоленске?

2. Известно, что защитники Смоленска использовали для борьбы с подкопами «слухи» — специально прорытые подземные ходы. Но где находились эти «слухи», и сможем ли мы восстановить их расположение?

3. Какие технические средства использовали защитники Смоленска для работ под землей?

Ко времени публикации первой статьи на эти вопросы ещё не было ответов. И только теперь в архивных материалах удалось обнаружить новые сведения. Но обо всем по порядку.

Мы уже знаем, что в Смоленске не было готовой системы «слухов» и что их начали «делать» («земли копать») уже после начала осадных работ. Однако работа над «слухами» была продумана заранее. Вероятно, зодчий Федор Конь предусмотрел, что глубоко под стенами Смоленска можно будет проложить подземные противоминные ходы.

Когда королевское войско появилось под стенами крепости, перед горожанами встал вопрос: оборонять ли внешние укрепления (острог) и тем самым попытаться спасти свои жилища, или же всем уйти оборонять новую каменную крепость?

Для решения этого вопроса 21 сентября (1 октября) 1609 года состоялось совещание воевод с посадскими людьми, то есть с неслужилыми горожанами. Об этом совещании сказано в «дневнике» обороны — Записной книге, которую вели в Разряде (воеводской избе): «Сентября в 21 день боярин и воевода Михаил Борисович Шеин, князь Петр Иванович Горчаков, диак Никон Алексеев с смоленскими старосты с Лукою Горбачевым да с Юрьем Огопьяновым и посадцкими сотцкими и з десятцкими и со всеми посадцкими людьми говорили, как в осаде от литовских людей сидеть: в остроге или в городе? И только будет сидеть в городе, и от посаду городу великая поруха и

утеснение будет. И боярин и воеводы и дияк с посадцкими старосты и посадцкими людьми приговорили смоленский посад весь сжечь для приходу литовских людей. И посад созжон того ж дни»⁶.

После сожжения посада началась оборона «каменного города», то есть крепости Федора Коня. Горожане составляли основную часть гарнизона. Они были расписаны дежурить на 38-ми крепостных башнях. Головами на башнях были смоленские дворяне, а их помощниками — авторитетные посадские люди. Количество посадских людей (1869 человек) в городском ополчении превосходило общую численность дворян, пушкарей и стрельцов⁷.

Осада Смоленска началась с попытки неприятеля подорвать ворота крепости петардами. Это произошло в ночь на 25 сентября (5 октября). К восточным, Авраамиевским воротам была послана рейтарская рота мальтийского кавалера Бартоломея Новодворского (150 человек) с инженером Шембеком. Они взорвали ворота и ворвались в крепость, но были отбиты⁸.

К западным, Копытецким воротам была послана рота немецкой пехоты Пуцкого старосты Людвика Вайера⁹. Петардой был сделан в воротах небольшой пролом, который успешно защищал пушкарь с рогатиной (вероятно, это был Третьяк Портной, дежуривший у своей «московской» пушки с каменными ядрами). Один из солдат был пробит рогатиной и взят в плен, остальные отступили¹⁰. Похоже, немцы Вайера не смогли надежно закрепить петарду.

Утром 25 сентября (5 октября) смоленские стрельцы осмотрели место приступа у Копытецких ворот и принесли воеводам «четыре ломы железных, да тюфяк», «два ломы да ядро нарядная да четъ немецкой корвашки (половинка наруча. — *А.М.*)»¹¹. Упоминание тюфяка заставляет задуматься, поскольку среди орудий Копытецкой башни тюфяков не было¹², а немцы вряд ли брали на приступ легкую артиллерию.

Вероятно, стрельцы обнаружили брошенную немцами петарду. Она представляла собой бронзовый «котел» в форме усеченного конуса и имела некоторое сходство с артиллерийским тюфяком.

Возможно, защитники крепости в ту ночь впервые столкнулись с петардами, и даже воеводы и служилые люди имели о них слабое представление. Архиепископ Смоленский позднее писал царю в донесении, что «литовские люди злым умышлением, подкрадчась, прислонили к воротам на досках меденные болваны с зельем, зажгли и Оварамьевске и Копытецкие ворота зельем проломили»¹³. В воеводском донесении в Москву петарды вовсе не упомянуты, сказано только, что «приступы» к воротам были отбиты¹⁴.

Во время первого приступа был взят в плен «государев изменник», беглый житель Смоленска Игнашка Дмитриев. Он умер в тюрьме 6 (16) октября¹⁵, но перед смертью успел сообщить смоленским воеводам, что литовские люди думают брать Смоленск «приступом же и подкопом»¹⁶. Эти показания повлияли на дальнейшие воеводские распоряжения.

25-26 сентября (6-7 октября) немецкая пехота Вайера безуспешно пытается штурмовать Пятницкие и Фроловские ворота¹⁷. После этого польское войско переходит от приступов к долгой осаде.

В ночь с 7 на 8 октября по новому стилю пехотинцы Вайера устроили за рекой Чурильей батарею против Богословской башни и на другой вечер подвезли четыре осадных орудия¹⁸. При этой батарее был создан сводный отряд под общим командованием Вайера¹⁹:

— 400 человек польской королевской пехоты (в полном составе, их рота сопровождала артиллерию от Орши до Смоленска)²⁰;

— 200 пехотинцев старосты Кременецкого (в полном составе, их хорошее снаряжение и выучку особо отмечали в королевском дневнике)²¹;

— 2 хоругви (400 человек) от Немецкой пехоты Вайера (всего в этой роте было 1400 человек: «7 хоругвей по 200 кнехтов одетых не богато, но видных и с хорошими ружьями»²² — они были лучше других приспособлены к осадным работам). Хоругви Вайера дежурили на батарее попеременно, сменяя друг друга;

— 200 человек от венгерской королевской пехоты (всего в венгерской королевской роте было 800 человек)²³.

На другом берегу Днепра к северу от крепости маршал княжества Литовского Монвид Дорогостайский организовал отдельную батарею для навесной стрельбы по Смоленску²⁴.

29 сентября (9 октября) батарея Вайера начинает обстрел Богословской башни, а батарея маршала Дорогостайского открывает огонь по домам в крепости²⁵. Одно ядро попало в жилище воеводы²⁶. В королевском войске не было достаточно мощных орудий, чтобы сделать пролом в стене. Заднепровская батарея должна был тревожить жителей Смоленска и принудить их к сдаче. Что же касается батареи Вайера, то её задача состояла в том, чтобы заглушить самую «вредную» для королевского лагеря угловую Богословскую башню. Во время обстрела трое пушкарей были убиты, а в башне наметились пробоины. Защитники крепости заделывали повреждения землей и камнями и вели ответную стрельбу. Вскоре огонь батареи Вайера ослаб, поскольку в пушках наметились трещины²⁷.

Тем временем смоленский гарнизон готовился к новым «приступам и подкопам».

Ворота в башнях крепости были засыпаны землей и камнями²⁸. 2 (12) октября на воротные и угловые башни были розданы «козы» — чаны на жердях или решетках для поливания неприятеля горячей смесью²⁹. В эти же дни начиналась подготовка к предстоящей подземной войне.

Имена русских саперов впервые были отмечены в Записной книге 3 (13) октября. Их было семеро — тех, кому предстояло вести борьбу с неприятельскими подкопами: «118 года октября в 3 день имена мастерам, которые делают «слухи»: Иван Шпилин, Максим Савельив сын Москутный Стрелец, Иван Бехтерец, Орсеней Старец, Клим Стрелец, В[я]тер Козанец, Семен Болдинец»³⁰.

Эта небольшая запись обладает огромной ценностью. До сих пор имена смоленских мастеров подкопного дела были неизвестны, несмотря на их значительный вклад в успешную оборону города.

За пределами Записной книги непросто собрать хоть какие-то сведения о подкопных дел мастерах. Их имена почти невозможно встретить в других документах смоленской воеводской избы, и больше нигде, кроме этой записи, они не названы «мастерами».

Можно уверенно говорить о секретном характере подкопной службы в Смоленске. Все мастера, кроме первого — Ивана Шпилина, названы не по фамилиям, а по особым прозвищам, которые были подобраны специально и всегда имели окончание «-ец». Смоленские мастера подкопного дела, несомненно, составляли единую бригаду-артель и действовали сообща.

В оригинальной записи прозвища пятерых мастеров (кроме Арсения) записаны с особым выносным «ц», напоминающим знак «z» (Рис. 1). Ни в каких других документах, кроме Записной книги, не встречаются эти прозвища.

И все же сведения о смоленских мастерах сохранились и в самой Записной книге и в некоторых других документах. Попробуем собрать эти сведения.

Первым из семерых назван **Иван Шпилин**. В Записной книге он несколько раз упоминается как изготовитель свечей для ночных и подкопных работ. 6 (16) октября он получил две свечи «к верховому наряду к Пятницким воротам»³¹ — вероятно, чтобы подготовить пушки для стрельбы против неприятельской батареи.

9 (19) октября у Ивана Шпилина взяли в Разрядную (воеводскую) избу 100 двойных и 100 тройных свечей³². 14 (24) октября у него взяли 300 свечей меньших³³. 15 (25) октября — сто свечей больших, сто меньших, а потом ещё сто больших двойных свечей³⁴. 17 (27) октября — 300 меньших и 50 больших свечей, а потом ещё 100 малых и 50 больших³⁵.

В записях от 17 октября Иван Шпилин дважды назван пушкарём³⁶. Он единственный среди мастеров не имел характерного прозвища и, вероятно, был старшим в артели. Пушкарь Иван Шпилин брал на себя весь цикл работ, начиная с изготовления свечей.

Во время саперных работ «свечи сальные» были основным расходным материалом. В Записной книге значительная часть записей посвящена выдаче сальных свечей в «слухи».

Гетман Жолкевский отмечал, что смоляне до последнего дня хранили запасы продовольствия: «...из съестных же припасов, несмотря на то, что много их погорело, однако осталось отчасти ржи, овса, гусей, кур и павлинов»³⁷. Гуси вовсе не случайно стоят на первом месте среди мясных продуктов: это был самый доступный ресурс для изготовления свечей. Их было легче прокормить и разводить в осажденном городе, а необходимость в свечном сале для подкопов сохранялась до самого конца обороны.

Помимо сала для изготовления свечей требовались керамические плошки и «светильна» — фитили. Двойными (или тройными) свечами называли две (или три) свечи в одной плошке. Об этом можно судить из следующих записей (здесь и далее курсив наш. — А.М.): «Того ж дни дано Погожему Тиханову да Михайлу Какошкину *двацать* свеч, малых *десять*, а двойных *пять*»³⁸; «Того ж дни дано казенному кузнецу Михалку в кузницу *три* свечи, свеча *двойная*, да *малая*»³⁹.

Кроме того, свечи делились по размеру на «большие» и «меньшие». Термин «малая» или «меньшая» свеча применялся к обычным свечам только для сравнения их со свечами двойными или большими.

Всего можно отметить пять видов свечей, над которыми работал Иван Шпилин: основной вид — свеча малая или меньшая (в источнике часто называется просто «свеча сальная»), свеча большая, свеча двойная, свеча большая двойная, свеча тройная.

За тысячу «меньших» свечей пушкарь Иван Шпилин получил вперед полтора рубля, из расчета пять алтын за сто свечей (то есть три копейки за двадцать или три деньги за десять свечей)⁴⁰.

Вторым в списке назван **Максим Савельев сын Москутный Стрелец**. Сведений о нем почти не осталось. У него был свой участок работы над «слухами», но упоминается он только один раз 9 (19) октября: «в «слухи»

взяли, где Максим стрелец, 8 свеч сальных»⁴¹. В данном случае трудно установить, где располагались его «слухи». Прозвище Максима указывает на то, что он служил в стрельцах. Он единственный назван полностью по имени, отчеству и основному прозвищу – «Москутный». Однако среди смоленских стрельцов его найти не удалось — ни в списках хлебной раздачи, ни в поручных записях, ни в единичных упоминаниях⁴². Это неудивительно. Точно так же в росписи смоленской артиллерии и в перечне жителей пушкарской слободы не найти Ивана Шпилина⁴³. Смоленские мастера подкопного дела, естественно, набирались из служилых людей по прибору — стрельцов и пушкарей. Но службу они несли отдельно от своих товарищей. Прозвище «Москутный» предположительно указывает на работу с москателью (бытовой химией). Мастера не только «делали слухи», но и устраивали диверсии против вражеских минеров, в том числе при помощи «смардных ядер», в которых помимо серы, пороха и селитры добавлялся некий весьма пахучий спиртовой раствор⁴⁴.

Третий в списке — **Иван Бехтерец**. Его работа над «слухами» упоминается в Записной книге. 9 (19) октября он взял в слухи 10 свечей⁴⁵. 12 (22) октября «дано Ивану Бехтерцу к «слухам» 20 свеч сальных»⁴⁶. В записи от 13 октября он назван не «Бехтерец», а «Бехтарь»: «дано к «слухом» Бехтарю десеть свеч сальных двойных»⁴⁷. 14 (24) октября он получил всего пять свечей⁴⁸.

15 (25) октября было выдано «Ивану Бехтерцу в два в новые «слухи» 6 свеч больших»⁴⁹. Из записи от 15 октября можно заключить, что Иван Бехтерец работал над «слухами» на участке у Копытецких ворот. В записях 12, 13 и 14 октября упоминаются «слухи» дворянина Василия Петрыкина, который как раз был головой на Копытецких воротах⁵⁰. 15 (25) октября «слухов» стало два, было выдано «х Копытецким воротом к «слухом» Василью Петрыкину на день да на ночь 16 свеч в два «слуха»⁵¹.

Если старым «слухом» по-прежнему заведовал Василий Петрыкин, то новым «слухом» руководил вяземский дворянин Василий Коробанов. Вечером

15 (25) октября «на ночь х Копытен воротам х круглой башне *к новым «слухам»* взял Василей Коробанов 3 свечи сальных»⁵². Очевидно, что «слух» Василия Коробанова располагался у ближайшей круглой башни от Копытецких ворот. Это и был один из двух «новых слухов», в которые взял свечи Иван Бехтерец.

Прозвище мастера Ивана — «Бехтерец», ничего не говорит его сословном происхождении. Бехтерцом называли корпусный кольчужный доспех, который использовался в дворянской коннице. В каширской десятне 1556 года бехтерец упоминается у четырех дворян и у двух боевых холопов⁵³.

Неизвестно, носил ли бехтерец наш мастер подкопного дела. Возможно, смоленские мастера для работ под землей применяли для защиты шапки железные, в дополнение к которым мастер мог при желании облачаться в «легкий» корпусный доспех.

Можно иметь в виду другую версию: что Иван Бехтерец по своей первой специальности был кузнецом-кольчужником. В других документах, кроме Записной книги, сведений об Иване Бехтерце нет.

Большинство смоленских мастеров были служилыми людьми по прибору. Среди них выделяется четвертый — **Арсений Старец**. Его работа над «слухами» часто упоминается в Записной книге.

Сначала 9 (19) октября «старец Арсений взял 10 свеч»⁵⁴. Затем к нему в «слухи» было взято 20 свечей 10 (20) октября⁵⁵. Через день, 12 (22) октября «дано старцу Орсенью к «слухом» 20 свеч сальных»⁵⁶. 13 (23) октября «к «слухом» старцу Орсенью 10 свеч двойных сальных»⁵⁷; «того ж дни дано к «слухом» старцу Орсенью 30 свеч»⁵⁸.

16 (26) октября начинается работа над новыми «слухами» под Авраамиевской башней. Одна за другой появляются записи: «В новой «слух» под Оврамьевскую башню к Третьяку Серкову дано 10 свеч. Да в старой «слух» к старцу к Орсенью 15 свеч»⁵⁹.

Согласно этой записи, у Авраамиевской башни было два «слуха»: недавно созданный, где руководил архиепископский подьячий Третьяк Серков, и старый, где в тот день находился старец Арсений. В те времена старцем

называли любого рядового монаха старше инокa, и этот чин не придавал носителю ореола особой святости. Похоже, мастер Арсений действительно был представителем черного духовенства. Есть сведения, что он был старцем смоленского Печерского монастыря.

Печерский монастырь находился недалеко от Смоленска на другом берегу Днепра. Он упоминается только в документах смоленской обороны, когда он был основан точно неизвестно⁶⁰.

В одном из смоленских документов перечислены церковные и монастырские дворы (подворья и обители внутри крепости) и живущие в них монахи, монастырские слуги и крестьяне⁶¹. Как правило, упоминается общее количество старцев вместе с игуменом, но имена монахов не называются. Составителей списка монастырских дворов интересовали в первую очередь слуги и крестьяне — те, кого можно было призвать на службу на стены.

В осажденной крепости было подворье и у Печерского монастыря: «В Печерском монастыре игумен да 8 человек старцов, да 2 человека служак, и всего в Печерском монастыре 11 человек»⁶². Никто из старцев монастыря не назван по имени.

Старец смоленского Печерского монастыря Арсений упомянут в другом документе — деле о взятках в январе 1611 года. Дело это интересно тем, что как раз касается «слухов». Дворянин Алексей Самарин был головой у «слухов» и должен был набрать даточных людей с Печерского монастыря. Однако его товарищ, дворянин Федор Соколов сообщил воеводам, что Алексей Самарин вместо сбора даточных берет «посулы» деньгами.

По словам Федора Соколова, Алексей Самарин «узял с игумена пол полтины, а опять же, государь, узял тот же Алексей с того ж игумна полтину, с Печерского ж, государь, монастыря взял старца с Орсеня тот же Алексей дватцать алтын»⁶³.

Дело сохранилось не полностью, но, судя по отдельным фрагментам, Алексей Самарин утверждал, что деньги брались на «найм даточным людям»⁶⁴,

то есть с целью платить старым сторожам в «слухах», а не брать с монастыря новых⁶⁵.

Неизвестно, давал ли старец Арсений Алексею Самарину 20 алтын, и если давал, то с какой целью. Важнее то, что, хотя дело и крутилось вокруг службы в «слухах», однако старец Арсений не назван мастером. Как уже говорилось, в смоленских документах и следственных делах мастеров подкопного дела старались не упоминать напрямую. Поэтому отождествление старца Арсения из смоленского Печерского монастыря с Арсением из артели смоленских мастеров хоть и допустимо, но не окончательно.

В начале XVII века монахи и после пострижения продолжали служить государству. Известен рассказ Георга Паэрле, как царь Борис послал в Путивль к войску самозванца трех лазутчиков-монахов из Чудова монастыря, «хорошо знавших Отрепьева»⁶⁶. Монахи были схвачены, и после пытки один из них сознался, что их прислали не только для разведки и агитации, но и для убийства Лжедмитрия посредством яда с помощью агентов-дворян. Названные монахом дворяне были казнены, а старцы посажены в заключение⁶⁷.

Георг Паэрле нигде ни выражает сомнения в том, что царские лазутчики были истинными монахами. Старец Арсений принадлежал к той же эпохе Бориса Годунова, когда под рясой служителей Божьих могли скрываться бывшие (а иногда и не бывшие) искусные воины и верные царские слуги.

В 1582 году в обороне Пскова от войск Стефана Батория также принимали участие черноризцы с воинским опытом в мирской жизни. Среди них тоже был старец Арсений, и тоже из Печерского монастыря (только не Смоленского, а Псковского): «Печерского монастыря келарь Арсеней, именуемый Хвостов; с ним же второй — Рожества Пречистыя Богородицы Снетогорского монастыря казначей Иона Наумов; третий же с ними Мантирей игумень, знаем же бе он во Пскове всем. Сим же предпомянутым черноризцы плодцим рождением дети боярские, и егда бяху они в мире, такоже искусни воины»⁶⁸.

Следует особо заметить, что псковский келарь Арсений Хвостов и смоленский мастер — скорее всего, разные люди, поскольку их разделяет 30

лет. Но очевидно их сходство не только по имени и названию монастыря, но и по исторической судьбе. Старец Арсений своим «плотским рождением», несомненно, принадлежал к служилым людям.

Чем дальше по списку, тем сложнее найти сведения о мастерах. Пятым был **Клим Стрелец**, но о его работе над «слухами» не сохранилось никаких сведений. Это уже второй мастер подкопных дел из стрельцов в осажденном Смоленске. Но в отличие от Максима Савельевича Москутного, стрелец Клим назван только по имени, поэтому можно предполагать его упоминание в других источниках.

В Смоленске было несколько стрельцов с таким именем. К примеру, Клим Парфеньевич Ярименский был десятником в приказе Петра Чихачева в сотне Осипа Коноплева в 1598 году⁶⁹. В ноябре 1610 года Клим Ярименский вместе с сыном Фокой был уже рядовым стрельцом в десятке Семена Коновалова в сотне Осипа Митькова в приказе Василия Чихачева⁷⁰. Однако смоленские мастера вряд ли несли общую службу в составе стрелецких десятков, тем более в качестве рядовых.

В документах упоминается ещё один стрелец, Клим Гречихин из приказа Федора Зубова. Именно он на другое утро после штурма 25 сентября (5 октября) ходил к Копытецким воротам и «принес два ломы да ядро нарядная да четь немецкой корвашки»⁷¹. В другой раз 14 (24) октября 1610 года Клим Гречихин шел с утра с городской стены и обнаружил в раскате ветхое сафьяновое бухарское седло. Гречихин принес седло воеводам, но их эта находка не заинтересовала и они оставили седло самому Климу⁷². Больше о Гречихине ничего неизвестно, и его нельзя уверенно отождествлять с мастером.

Ещё меньше сведений о шестом мастере по прозвищу **Козанец**. Даже имя его читается с трудом как «Вятер» (?), и можно лишь отметить, что это не христианское имя. В Записной книге есть упоминание от 16 октября: «Вяхирю к «слухом» 5 свеч больших»⁷³. Имя Вяхирь не похоже на искаженное «Бехтерь» — Бехтерец, так что речь идет не о мастере Иване. Возможно Вятер, Вяхирь — это все версии татарского имени Вафир («великодушный»). Или же это разные

варианты славянского прозвища «ветер», «вихрь». В любом случае, у нас мало сведений о номере шестом.

Седьмой мастер — **Семен Болдинец** — также долгое время оставался нераскрытым, поскольку в Записной книге нет сведений о нем и о его работе в «слухах». Однако прозвище его явно связано со знаменитым Смоленским Болдинским монастырем. А это давало надежду, что его удастся найти на болдинском подворье. И действительно, в упомянутом списке церковных и монастырских дворов обнаружилась следующая запись: «На Болдинском подворье старцов: келарь, да с ним 15 братьев, да слуг: на городе 5 человек, *да подкопщик Семен* и тот болен, да 3 конюха и те больны, да хлебник, да 3 ребят, да 14 ... да мужик стар и тот болен, да детеныш Петрушка»⁷⁴.

Итак, среди 15 служителей Болдинского монастыря отыскался «подкопщик» Семен. Можно с уверенностью соотнести его с седьмым из мастеров Семеном Болдинцем. За пределами Записной книги он не назван по прозвищу, а его должность звучит не как «мастер», а как «подкопщик».

Составителей списка интересовали людские ресурсы монастыря для обороны крепости, и потому они ничего не писали о здоровье игумена и старцев, однако отметили служебную годность служителей. Пятеро из них уже служили «на городе», то есть несли караулы на стене, трое были конюхами и один хлебником, один был стариком, трое детей и один «детеныш».

Семен был подкопщиком, и этого было достаточно, чтобы показать его службу, однако составители списка особо отметили, что он «болен». В чем состояла его болезнь не сказано, как неизвестно и время составления списка. В Смоленске от недостатка соли началась цинга, и мастера подкопного дела не были защищены от всеобщего недуга. У мастеров могли быть и свои «профессиональные» заболевания, связанные с длительным нахождением под землей. Больше о подкопщике Семене ничего неизвестно, однако в его случае и без того удалось копнуть глубже, чем с другими мастерами.

Смоленские мастера подкопного дела принадлежали к разным сословиям: один был пушкарем, другой печерским старцем, ещё двое были стрельцами,

пятый монастырским слугой. Мы не знаем, когда была создана их артель. Вероятно, это произошло в царствование Бориса Годунова, тогда же, когда были созданы смоленские стены. В мирное время мастера жили на своих подворьях и в слободах. Но по зову смоленских воевод они собрались вместе и приступили к работе. 3 (13) октября 1609 года система «слухов» только начинала создаваться. В дальнейшем «слухи» сыграют решающую роль в защите крепости от неприятельских подкопов.

Мы уже убедились, что основной источник сведений о деятельности смоленских подкопщиков — это смоленская Записная книга 1609 года. Она представляет собой своего рода «дневник» смоленской обороны с русской стороны.

Именно как «дневник» её характеризовали поляки, в руки которых эта книга попала в 1611 году. На завершающей странице была сделана запись: «*Diariusz wojny poslany z woyska do panszyny Moskiewskiey w roku 1611*»⁷⁵.

Записную книгу вели в смоленской Разрядной (воеводской) избе. Почти все записи в книге имеют точную («октября в 12 день») или относительную («того ж дни») дату. Иногда указан год. До нас дошел фрагмент книги без начала на 25 листах с записями с 3 сентября по 16 октября 1609 года. Листы имеют нумерацию с 13 по 36 об., на одном листе нумерация пропущена.

Записная книга велась для служебного пользования смоленскими воеводами и дьяками. Записи носили сугубо деловой характер и вносились по мере необходимости.

Ценность «Записной книги» в том, что она отражает ежедневную работу воеводского штаба. Однако и у неё, как у всякого источника, есть свои особенности, с которыми нужно уметь работать.

После листа 21 большая часть записей относится к выдаче сальных свеч в «слухи». Свечи, изготовленные Иваном Шпилиным, приносились в Разрядную избу, а затем выдавались партиями либо мастерам, либо начальникам подкопных работ из числа дворян и детей боярских.

Первая партия свечей была выдана 5 (15) октября: «дано ко всем «слухом» 45 свеч сальных»⁷⁶ — через два дня после назначения мастеров-подкопщиков.

Накануне этого дня 4 (14) октября польско-литовская сторона предложила провести мирные переговоры — в Смоленске на это согласились. Обе стороны в тот же вечер прекратили огонь⁷⁷, а на другой день 5 (15) октября под стенами крепости встретились представители враждующих сторон.

От королевского лагеря держал речь мещанин Богдан Велижанин⁷⁸ — вероятно, агент велижского старосты Гонсевского. Делегацию от осажденного города возглавлял Василий Денисович Колоколов — влиятельный лидер смоленского городского ополчения. Смоляне обещали на следующее утро прислать дворян и под этим предлогом переговоры перенесли на другой день⁷⁹. Для осажденных эти переговоры были лишь предлогом и не помешали в тот же день начать работу над «слухами».

На другой день 6 (16) октября к Богдану Велижанину снова вышли горожане и сказали, что остаются верны своей изначальной клятве — не сдавать крепость⁸⁰. В тот же день в «слухи» выдали 20 сальных свечей, а спустя какое-то время — ещё пять свечей в один из «слухов»⁸¹.

Ночью по приказу гетмана люди Вайера стали строить новые шанцы ближе к Богословской башне (№33, здесь и далее номера ворот и башен см. на рис. 2)⁸². В этот же вечер Иван Шпилин взял две свечи, чтобы обустроить артиллерию на Пятницких воротах (№35), с которых было удобно поддерживать огнем Богословскую башню⁸³.

Артиллерийская перестрелка у Богословской башни возобновилась 7 (17) октября. В этот день ротмистр Гаевский был убит выстрелом из затинной пищали⁸⁴. В тот же день к «слухам» выдали 27, а потом ещё 20 свеч⁸⁵.

Но этим дело не кончилось, и 7 (17) октября «слухи» впервые определяют по именам дворян-начальников: 10 свечей отправили в «слух» Михаилу Румянцеву, 10 в «слух» Ратману Чечетову и 10 в «слух» под Богословскую башню⁸⁶. На ночь было роздано ещё 30 свечей, вероятно, снова по 10 в каждый из «слухов»⁸⁷.

8 (18) октября стрельба из шанцев Людвика Вайера продолжалась. Заднепровская батарея Монвида Дорогостайского также не затихала, и одно из ядер попало в Пятницкую церковь во время богослужения (были убиты дворянин и пятеро священников)⁸⁸. Но работа в «слухах» шла своим чередом.

Сначала к «слухам» выдали 50 свечей⁸⁹. Затем Ратману Чечетову было выдано 20 свечей, Богдану Романчекову — 20 свечей⁹⁰. И в тот же день раздали «по башням по всем 30 свеч да к «слухом» дано 10 свеч»⁹¹.

Богдан Романчеков, как видно по другим записям, был начальником «слухов» под Богословской башней («отдано Богдану Романченку пять свеч двойных под Богословскую башню»⁹²). Значит, один и тот же «слух» упоминается в записи 7 (17) октября по названию башни и 8 (18) октября по имени начальника.

Всего же 7-8 (17-18) октября упоминается три «слуха», а общее количество свечей «ко всем «слухам» в первые дни земляных работ также часто делится на три (45, 27, 30).

Первый «слух» под башней Богословской (№33) — это «слух» Богдана Романчекова. Вторым «слух» Ратмана Чечетова, который был осадным головой на третьей круглой башне от Копытецких ворот (№31)⁹³, и там же находились вверенные ему земляные работы. В третьем «слухе» начальником был Михаил Румянцев. Его «слух» упоминается в записях за 7, 9, 10 и 15 октября⁹⁴, но указать его место затруднительно. Можно лишь предположить, что его «слух» располагался между башней Ратмана Чечетова и Богословской, то есть под башней Ивана Жидовинова (№32). Но также возможно, что третий «слух» располагался в другом месте и даже в другой стороне крепости.

9 (19) октября 1609 года пехотинцы Вайера перенесли шанцы ближе к стенам крепости. Защитники Богословской башни стреляли по ним из ручных и затинных пищалей и метали камни⁹⁵.

В этот же день были составлены донесения смоленских воевод к царю, письма смоленских горожан к царю и к смоленским дворянам, воюющим в ополчении князя Скопина, письма архиепископа Сергия к царю и к патриарху

Гермогену, личные письма воеводы Михаила Борисовича Шеина, посадского Василия Денисовича Колоколова и других⁹⁶. Все эти послания были в тот же день отправлены с архиепископским дворянином Григорием Мешаевым и дорогобужским подьячим Иваном Мостининым⁹⁷.

13 (23) октября письма были перехвачены и доставлены королю⁹⁸. По словам королевского дневника, из этих посланий стало известно о «слухах», которые роют «в пяти местах»⁹⁹. Однако ни в одном из известных посланий ничего подобного не сказано. В воеводском и архиепископском донесениях упоминаются показания пленников о подкопах, которые ведут под город «литовские люди»¹⁰⁰.

Возможно, сведения о пяти «слухах» сообщил захваченный в плен Григорий Мешаев. Ему было известно количество «слухов» на 9 (19) октября.

Как раз в этот день к первым трем «слухам» добавились новые (в том числе «слух» на восточной стороне у Авраамиевских ворот)¹⁰¹. В дальнейшем слуховых подкопов стало гораздо больше.

10 (20) октября отряд Вайера начал рыть шанцы в 30 шагах от крепостной стены. Пехотинцам, как всегда, приходилось работать под обстрелом Богословской башни¹⁰². В этот день впервые упоминается второй «слух» у Богословской башни (Семена Сназина), а в конце дня появились «слух» Ивана Кубарова в тайнике и «слух» Василия Пролысского под Никольской башней¹⁰³. Появление этих «слухов» можно связать с передвижением шанцев Вайера.

Стрельба из шанцев Вайера и Дорогостайского продолжалась и в последующие дни. 13 (23) октября в лагерь прибыли 200 отборных запорожских казаков¹⁰⁴. Вскоре после этого 14-16 (24-26) октября появляются сведения о «слухах» Третьяка Серкова у Авраамьевской башни¹⁰⁵. Прибытие в лагерь свежих сил могло стать причиной создания новых «слухов», тем более что лагерь запорожцев как раз располагался подле Авраамиевских ворот¹⁰⁶.

После 9 (19) октября начинается более строгий учет свечей и, как следствие, появляются более полные сведения о месте расположения «слухов».

Об учете свечей нужно сказать ещё несколько слов. Во время обороны смоленские воеводы не имели возможности постоянно находиться в «штабе» — в Разрядной избе. Руководство обороной осуществлялось на стенах крепости. О том, что воеводы расположились в крепостных башнях, упоминает и королевский дневник в записи за 19 ноября¹⁰⁷.

Воевода Михаил Борисович Шеин, скорее всего, стоял в круглой башне Ратмана Чечетова — её впоследствии будут называть Шеиновой башней. Здесь находился одновременно и командный и наблюдательный пункт. Отсюда открывался обзор на передовой участок обороны — Богословскую башню. Здесь же воевода Шеин попадет в плен.

Второй воевода, князь Иван Петрович Горчаков тоже находился на стене. 14 (24) октября он сам взял «козу» на Авраамиевскую башню (№11)¹⁰⁸. 16 (26) октября ему было выдано «на город», то есть на стену крепости, 10 свечей¹⁰⁹.

Дежурил на стене и воеводский дьяк Никон Алексеев. Он стоял на юго-восточном участке крепости, и у него была своя свита из мелкопоместных дворян. Как сказано в записи от 28 сентября (8 октября), «написаны з дьяком с Никоном Олексеевым на Еленских воротех Фрол Подтопнин, Левонтей Коленов, Алексей Жалобинской, Иван Дернов»¹¹⁰.

Возможно, каждый из трех начальников Смоленской крепости взял на себя свой участок стены. Воевода Шеин — самую опасную северо-западную оконечность, его товарищ князь Горчаков — восток, а дьяк Никон — юг (север был обращен к Днепру).

В отсутствие воевод и дьяка в смоленской избе постоянно находились «дежурные по штабу» — «денщики». Их набирали из мелкопоместных дворян-земцев, которые по бедности служили не конную, а осадную службу. Впервые их назначили 3 (13) октября, в один день со смоленскими мастерами: «Октября в 3 день дневать и ночевать в Розряде: Кузьма да Митька Семеновы дети Мальцова; Иван Иванов сын Мальцов; Григорей Захаров сын Мальцов»¹¹¹.

Именно «денщики», как нам кажется, отвечали за выдачу сальных свечей и их учет в Записной книге. Некоторые неточности и поправки в записях могут

быть связаны с отсутствием у денщиков опыта приказной работы и дисциплины в бумажных делах. Так, в двух записях вместо «октября в 7 день» было записано «октября в 17 день», и дяку Никону Алексееву пришлось лично вычеркивать знак «і» (десять)¹¹². В первые дни учета (5-8 октября) не всегда можно понять, кому и в какие «слухи» отдали свечи.

9 (19) октября были назначены новые дежурные по штабу, также из осадных земцев: «118 года октября в 9 день дневать в Розряде денщикам: Ондрей Трубников, Яков Дернов, Михайло Лутосин, Иван Ломанов»¹¹³. В этот же день у Ивана Шпилина были взяты в Разрядную избу сто двойных и сто тройных свечей¹¹⁴.

С этого времени берется за правило записывать имена тех, кому выдаются свечи. У новых денщиков тоже бывали неточности. Так, Погожий Тиханов почти везде назван Непогожим, и, возможно, Ивана Уварова называли Иваном Кубаровым. И все же записи приобретают более четкий характер.

Тщательное сопоставление записей позволяет утверждать, что «слухи» обычно называют по имени дворянина-начальника подкопных работ или мастера. В некоторых случаях указывается место слухового подкопа под башней смоленской крепостной стены или под пряслом рядом с башней. Такие указания можно использовать, чтобы восстановить систему слуховых ходов в осажденном Смоленске.

Одна и та же фамилия дворянина соответствует одному и тому же месту «слуха»: если начальник «слуха» известен как голова на башне (Ратман Чечетов, Василий Петрыкин), значит, «слухи» располагались под его башней. Один слуховой подкоп мог обозначаться и в единственном («слух») и во множественном числе («слухи»).

Поскольку с 9 (19) октября количество «слухов» возрастает, имеет смысл рассматривать их по отдельности и восстановить их расположение относительно смоленской крепостной стены.

Начнем с восточной части крепости. Здесь находились те самые Авраамиевские ворота (№10), к которым ходил с петардой кавалер

Новодворский. 4 (14) октября вблизи Авраамиевских ворот встали лагерем 300 запорожских казаков¹¹⁵. Помимо казаков здесь квартировали хоругви немецкой пехоты Людвиг Вайера¹¹⁶. Выше было сказано, что в шанцах Вайера у Богословской башни стоял сборный отряд. Из собственной роты Вайера в шанцах попеременно находились две хоругви из семи пехотных и одной копейной.

Против Авраамиевских ворот в октябре 1609 года не предпринималось активных действий. Но присутствие запорожцев и резервных хоругвей Вайера заставляло соблюдать бдительность.

«Слухи» у Авраамиевских ворот впервые упоминаются 9 (19) октября. В этот день дни «взял Данила Лешин 10 свеч к Оврамевским воротам и к «слухом»¹¹⁷. Этот Данила Лешин был именитым горожанином, он уже занимал должность первого земского старосты в 1608/09 году. В 1610/11 году он исполнял должность второго земского старосты¹¹⁸.

11 (21) октября 20 свечей в «слухи» к Оврамевским воротам взял сам осадный голова Авраамиевских ворот смоленский дворянин Кречет Микулин¹¹⁹. В то же день новую партию свечей «к Оврамевским воротам к Кречету Микулину к «слухом» взял Богдан Сорокин¹²⁰. Он взял 15 свечей малых и 10 свечей больших.

Кречет Иванович Микулин был стрелецким сотником в приказе Петра Чихачева в 1598 году¹²¹. В 1605/06 году он служил в чине дворового с земельным окладом 500 четей¹²². Головой на Авраамиевские ворота Кречет Микулин был назначен в августе 1609 года¹²³. Он был одним из тех, кто погиб при обороне Смоленска, в 1613 году в плену разыскивались его вдова Варвара и сын Микифор¹²⁴. Его помощник Богдан Петрович Сорокин был осадным земцем¹²⁵.

Позднее по соседству с воротами были созданы «слухи» у круглой Авраамиевской башни (№11). Здесь земляными работами руководил Третьяк Серков, подьячий смоленского архиепископа Сергия. Первую партию из 20 свечей он взял 14 (24) октября, затем столько же 15 (25) октября¹²⁶.

Вскоре Третьяк Серков уже руководил работами в двух «слухах». 16 октября он взял в «слухи» 10 свечей и в тот же день «в новой «слух» под Оврамьевскую башню к Третьяку Серкову дано 10 свеч»¹²⁷. В старом «слухе» в тот же день работал мастер старец Арсений и взял 15 свечей.

Накануне вечером 15 октября было «дано Якову Самойлову к Оврамьевским воротам к трем «слухам» 40 свеч сальных на ночь»¹²⁸. Возможно, под тремя «слухами» подразумевались «слух» Кречета Микулина под Авраамиевскими воротами и два «слуха» Третьяка Серкова, старый и вновь созданный, под Авраамиевской башней.

Всего в слухи у башен №10 и 11 было выдано по записям 170 свечей.

«Слух» под Еленскими воротами (№15) упоминается один раз, в записи от 14 октября. Начальнику этого «слуха» сыну боярскому Павлу Иванову было выдано в тот день 20 сальных свечей¹²⁹. Еленские ворота находились в стороне от запорожского лагеря в юго-восточной части крепости. Но предосторожность не мешала и здесь.

В южной части крепости близ Молоховских ворот «слухи» не упоминаются. Возможно, это связано с тем, что здесь не было постоянного лагеря, а были только конные и казацкие патрули¹³⁰. «Слухи» не упоминаются и в северной части крепости, обращенной к Днепру.

В Западной части крепости, обращенной к главному королевскому лагерю, было больше всего «слухов».

В юго-западной части крепости был «слух» под Копытецкими воротами (башня №26). Осадным головой на этих воротах был Василий Ильич Петрыкин¹³¹, он же был начальником в «слухах». В царствование Бориса Годунова Василий Петрыкин, который тогда служил городовым приказчиком, оказался в тюрьме и под пыткой по делу о шатости смоленских горожан в пользу Лжедмитрия¹³². В 1605/06 году он был дворовым сыном боярским с окладом 450 четей¹³³.

«Слухи» Василия Петрыкина впервые упоминаются сравнительно поздно — 12 октября. В этот день он получил 10 свечей, а после взял ещё шесть¹³⁴. В

последующие дни 13 и 14 октября Петрыкин брал по 10 свечей на день¹³⁵. Вечером 14 октября он взял ещё 5 свечей¹³⁶.

15 октября Василий Петрыкин получил 16 свечей в два «слуха»: старый и вновь созданный. Свечи были даны «на день да на ночь»¹³⁷. Вторым «слухом» стал руководить вяземский дворянин Василий Коробанов. На другой день, 16 октября Василий Петрыкин взял к «слухам» 8 двойных свечей, а позднее — ещё 15 «меньших»¹³⁸.

Всего в первый «слух» Василя Петрыкина с 12 по 16 октября было по записям выдано около 80 свечей.

Второй «слух» у Копытецких ворот находился у круглой башни, то есть между Копытецкими воротами и башней №27. Здесь работал мастер Иван Бехтерец, который брал для новых «слухов» 6 больших свечей. И хотя 15 октября Василий Петрыкин брал свечи на два «слуха» на день и на ночь, но уже к вечеру потребовалось пополнение: «...на ночь х Копытен воротам х круглой башне к новым «слухам» взял Василей Коробанов 3 свечи сальных»¹³⁹. Но на этом ночной труд 15 октября не закончился: «Тое ж ночи Федору Захарову да Коробанову Василью в новые «слухи» 9 свеч сальных больших»¹⁴⁰. 16 октября Василий Коробанов взял к своим «слухам» 10 свечей¹⁴¹.

Начальник у второго «слуха» Василий Полуехтович Коробанов был дворянином из Вязьмы¹⁴². В ноябре 1610 года он служил сотником в смоленском стрелецком приказе¹⁴³. Федор Богданович Захаров, который был с ним в новых «слухах» в ночь с 15 на 16 октября, был смоленским дворянином с окладом 450 четей¹⁴⁴.

Всего в «слух» Василия Коробанова было взято по записям около 30 больших и малых свечей.

Главные слуховые подкопы находились в северо-западной части крепости.

«Слух» у башни Ратмана Чечетова появился одним из первых. Он упоминается уже 7 октября и, скорее всего, уже существовал двумя днями раньше, когда впервые были выданы свечи. Важность этого «слуха»

определялась тем, что круглая башня Ратмана Чечетова (№31)¹⁴⁵ находилась в непосредственной близости от шанцев Вайера.

По некоторым сведениям, в башне Ратмана Чечетова находился сам воевода М.Б. Шеин, и впоследствии эту круглую башню называли «Шеиновой». Ратман Васильевич Чечетов служил в городовой чине с окладом 450 четей¹⁴⁶. Он совмещал службу осадного головы на круглой башне и начальника «слухов» под той же башней. Упоминается его заместитель Григорий Ендоуров — смоленский дворянин (в 1605/06 году его сын Константин был верстан новиком с отцовского поместья)¹⁴⁷.

Ратман Чечетов 8 (18) и 9 (19) октября получал по 20 свечей в «слух» на день¹⁴⁸. Затем два дня его «слух» не упоминается, и уже 12 октября 10 свечей получает Григорий Ендоуров¹⁴⁹. 13 октября «Григорью Ендоурову дано к «слухом» 10 свеч двойных»¹⁵⁰. Новую партию «к Ратмоновой башне Чечетова на день 10 свеч» Григорий Ендоуров получил 15 октября¹⁵¹. В тот же день он получил к «слухам» 30 свечей, а Ратман Чечетов взял ещё пять¹⁵². Наконец, 16 октября Григорий Ендоуров получил 12 свечей, а затем ещё 10 свечей больших¹⁵³.

Всего в «слухи» Ратмана Чечетова с 7 по 16 октября было по записям выдано 137 свечей, в том числе 15-16 октября — 67 свечей.

Под соседней башней №32 находился «слух» Ивана Жидовинова. Иван Юрьевич Жидовинов, осадный голова на башне №32, был заметным участником Смоленской обороны 1609–1611 годов и часто исполнял ответственные службы.

Весной и летом 1609 года Жидовинов с отрядом стрельцов стоял на пограничной заставе в Щучейской волости для защиты смоленских крестьян от наезда панов Гонсевских¹⁵⁴. В августе 1609 года он был назначен головой на третью четвероугольную башню от Копытецких ворот (№32)¹⁵⁵. В сентябре он вместе с Григорием Кокошкиным руководил ополчением горожан в остроге за стенами крепости¹⁵⁶. В это время головой на башне №32 был брянский

дворянин Кузьма Повадин¹⁵⁷. После сожжения острога Иван Жидовинов вновь вернулся к должности осадного головы на той же башне.

Башня Ивана Жидовинова находилась между Богословской и круглой башней Ратмана Чечетова. На все три башни 15 (25) октября были выданы наборы хомути (возможно, для переноса пушек): «...октября в 15 день дано на Богословскую башню 10 хомути, да Ратмону Чечетову 10 хомути, Ивану Жидовинову 10 хомути»¹⁵⁸. Все три башни были обращены к шанцам Людвиг Вайера.

Впервые «слух» Ивана Жидовинова упоминается 11 октября, позднее, чем два соседних «слуха». Но не исключено, что 5-10 октября для этого же «слуха» брал свечи Михаил Румянцев.

Иван Жидовинов 11 октября сам взял в «слухи» 20 свечей¹⁵⁹. Иногда в «слухи» Ивана Жидовинова свечи брал его заместитель Погожий Тиханов («к Ивану Жидовинову в «слухи» на день 12 свеч взял Погожей Тиханов»¹⁶⁰). За свечами для Жидовинова в Разрядную избу приходили также Михаил Кокошкин (городовой, 400 четей)¹⁶¹, Никита Прокофьев (городовой, 250 четей)¹⁶² и некий Фрол.

14 (24) октября Погожий Тиханов взял 20 свечей, Никита Прокофьев — 30 свечей¹⁶³. 15 октября Погожий Тиханов взял 12 свечей, Михаил Кокошкин 20 свечей, Фрол взял на ночь 5 свечей больших¹⁶⁴. В ночь на 16 октября Погожий Тиханов взял 6, а потом ещё 12 свечей больших¹⁶⁵.

Утром 16 октября Погожий Тиханов взял к «слухам» сразу 30 свечей больших¹⁶⁶. Затем Погожий Тиханов взял ещё 10 больших свечей, а потом они с Михаилом Кокошкиным взяли «двадцать свеч, малых десять, а двойных пять»¹⁶⁷.

Всего в слуховой подкоп Ивана Жидовинова по записям было взято 185 больших и малых свечей.

Богословская башня (№33) на углу между западной и южной стеной крепости была передовым участком обороны. Неудивительно, что «слух» под Богословской башней упоминается одним из первых. На Богословской башне и на прясле было больше всего горожан (89 человек Везовенской сотни)¹⁶⁸. Они

составляли особый отряд «Везовенской сотни Богословской башни»¹⁶⁹. Во главе отряда стоял сотник Степан Огрызков, а за караулы на башне отвечал Дорофей Кирпичников¹⁷⁰. В верхнем бою находилась самая мощная во всей крепости Ругодивская «двухсаженная» пищаль — трофей из Нарвы с запасом ядер в 12 фунтов¹⁷¹.

Очевидно, смоленские воеводы смогли предугадать, какая башня станет главным пунктом обороны. В свою очередь, войска неприятеля, прежде всего, пытались подавить огонь Богословской башни.

Головами на Богословской башне были дворяне: смолянин Юрий Мещеринов и вязьмич Михаил Якушкин¹⁷². В отличие от Микулина, Петрыкина, Чечетова и Жидовинова они ни разу не упомянуты как начальники «слухов». Это неудивительно. В начале октября Богословская башня находилась под обстрелом, и осадным головам хватало дел на поверхности.

Начальником в «слух» под Богословской башней стал Богдан Романченков. О нем следует рассказать подробнее, поскольку его «слух» был одним из самых важных, а о самом Богдане известно мало.

Богдан Романченков происходил из самых бедных дворян (в десятне 1605/06 года Романченковы записаны в самые низкие статьи: представители этого рода либо служили с окладом 150 четей, либо несли осадную службу¹⁷³), но отличался расторопностью и пользовался доверием смоленских воевод. В 1608 году он служит нарядчиком — на эту непочетную, но важную должность назначали самых надежных дворян из нижних статей. Нарядчики исполняли различные воеводские поручения.

Богдану досталась важная миссия: он помогал воеводам собирать разведданные из Литвы. В августе 1608 года воеводы послали Богдана Романченкова на пограничную Архангельскую пристань на Днепре. Здесь состоялась встреча Богдана с Гришей Полтевым (доверенный слуга Оршанского старосты Андрея Сапеги и тайный агент Москвы). На встрече удалось получить важные сведения о том, что в порубежных городах нет

дополнительно собранных ратных людей, и что отряд Яна Петра Сапеги вторгся в русские пределы против воли короля и канцлера¹⁷⁴.

Второй раз Богдан Романченков отправился собирать разведданные на ту же Архангельскую пристань в мае. На этот раз его агентурой выступил оршанин Исак Ермолин. 22 мая 1609 года Богдан Романченков вернулся в Смоленск и доложил воеводам, что короля ждут в Вильне, однако ратным людям порубежных городов был послан «от короля заказ крепкий» самовольно не вторгаться в Россию. Неугомонному «тестю» самозванца Юрию Мнишеку король (по образному выражению самого Богдана или его агентуры) «заказал под горлом» не ходить в Россию¹⁷⁵. Эти сведения позволили смоленским воеводам высвободить отряд дворян и стрельцов для борьбы с войсками Лжедмитрия¹⁷⁶.

Во время обороны 1609–1611 годов Богдан Романченков исполнял различные поручения при воеводском штабе. Его часто посылали для выемки поличного. 10 мая 1610 года Богдан Романченков был отправлен по сигналу о подпольной корчме пушкаря Петра Красильника. Ему удалось задержать самого пушкаря и конфисковать бочку пива. Однако все посетители заведения («питухи», как говорится в источнике), кроме одного стрельца, успели разойтись¹⁷⁷. В ноябре 1610 года Богдан был послан конфисковать у бобровного мастера Игната самопал, купленный у одного из холопов воеводы князя Петра Горчакова (вероятно, самопал был продан холопом Степаном без воли господина)¹⁷⁸.

Но такие бытовые поручения Богдан Романченков выполнял в свободное от основной службы время. А в октябре 1609 года его главная служба была связана со слуховым подкопом под Богословской башней. Ему приходилось руководить подземными работами в особо опасных условиях: на поверхности продолжалась перестрелка с шанцами Вайера.

«Слух» под Богословской башней упоминается 7 (17) октября, когда в Разрядной избе было взято десять свечей¹⁷⁹. На следующий день Богдан Романченков взял 20 свечей¹⁸⁰.

9 (19) октября 10 свечей «на Богословскую башню в «слухи» взял Андрей Кирпичников (возможно, речь идет о самом Дорофее Кирпичникове или его родственнике)¹⁸¹. 10 (20) октября Богдан Романченков взял 20, а потом ещё 10 свечей¹⁸².

Новую партию в 20 свечей Богдан Романченков взял 12 октября¹⁸³. 13 (23) октября Богдан взял десять, а потом ещё 12 свечей двойных¹⁸⁴. 14 (24) октября он взял 10 и затем 20 свечей¹⁸⁵.

15 (25) октября Романченков взял 20 свечей, а затем 12 свечей больших¹⁸⁶. 16 (26) октября «отдано Богдану Романченку пять свеч двойных под Богословскую башню»¹⁸⁷. В тот же день Богдан ещё трижды брал партии 10, 20 и снова 10 свечей¹⁸⁸.

Всего с 7 по 16 октября в «слух» Богдана Романченкова было взято 236 свечей больших и малых.

Существовал и второй «слух» у Богословской башни. Здесь земляными работами руководил Семен Михайлович Сназин (дворовый, 400 четей в 1605/06 году)¹⁸⁹. Впервые его «слух» упоминается 10 (20) октября, когда Сназин взял в разрядной избе 5 свечей¹⁹⁰. На другой день 11 (21) октября он взял 20, а ближе к концу дня ещё 10 свечей¹⁹¹. Ещё 20 свечей в «слух» Семёна Сназина взял 12 (22) октября Гаврила Лутошин (городовой, 150 четей)¹⁹². В день 13 (23) октября к «слухам» Сназина было взято 10 свечей двойных¹⁹³. В день 14 (24) октября Семен Сназин взял в «слухи» партии по 6, 12 и 20 свечей¹⁹⁴. В день 15 октября «Семену Снозину в «слухи» к Богословской башне 20 свеч сальных»¹⁹⁵. Работа не затихала и после заката: «Того ж ночи к Семену Сназину в «слухи» ж 12 свеч сальных»¹⁹⁶.

Если Богдану Романченкову выдали свечи «под Богословскую башню», то Семену Сназину «в «слухи» к Богословской башне». Слуховой подкоп Сназина был дополнительным и находился не под самой башней, а под пряслом, вероятно, с южной стороны на западной стене.

Всего Семену Сназину с 10 по 16 октября было выдано по записям 145 свечей. В 1613 году Семен Михайлович Сназин разыскивался в польском плену¹⁹⁷.

Свечи «под Богословскую башню» в октябре 1609 года также брал Афанасий Поганцов. Его имя стоит отдельно от Богдана Романченкова и Семена Сназина, но выделять его «слух» как самостоятельный преждевременно. Он взял всего 10 свечей 10 (20) октября и ещё две партии 10 и 20 свечей 11 (21) октября¹⁹⁸. В 1605/06 году Афанасий Поганцов был осадным земцем¹⁹⁹.

Вероятно, он брал свечи в «слух» Богдана Романченкова, имя которого как раз в записях 11 октября не упоминается. В любом случае работа Афанасия Поганцова в «слухах» была недолгой, и потратил он только 40 свечей.

От Богословской башни стена заворачивает на восток вдоль Днепра к Никольской башне (№34). Здесь тоже было два «слуха», которые отмечены в Записной книге.

10 (20) октября была сделана следующая запись (ломаными скобками выделен зачеркнутый текст): «Тово ж дни <к Богословской> к Никольской круглой башне <в тайник> Ивану Кубарову к новым «слухом» 20 свеч. Василью Пролысскому к той же Никольской башне к другому «слуху» 4 свечи»²⁰⁰.

Первый «слух» располагался под пряслом между Богословской и Никольской башнями, поэтому денщик, который вел учет свечей, сначала перепутал названия.

Кроме того, в этом месте находился секретный подземный ход, который теперь было решено использовать как «слухи». В записи о выдаче свечей денщик или дьяк вычеркнул сведения о «тайнике».

Для «слуха» в тайнике выдавали свечи Ивану Кубарову (городовой сын боярский, оклад 150 четей)²⁰¹. Он же упоминается и в последующих записях. Возможно, денщики ошибочно записали имя Ивана Матвеевича Уварова,

осадного головы на Никольской башне (дворовый сын боярский с окладом 450 четей)²⁰².

11 октября к «слуху» у Никольской башни было взято 10 свечей²⁰³. В тот же день Ивану Кубарову было дано 4 свечи (скорее всего, на ночь)²⁰⁴. На другой день 12 октября к Никольской башне было взято 20 свечей²⁰⁵. Пять двойных сальных свечей было взято 13 октября²⁰⁶. Ещё пять свечей было дано 15 октября²⁰⁷. В ночь с 15 на 16 октября была взята ещё одна партия свечей — «меж Богословской и Никольской башни к «слуху» взял Богдан Бровцын 3 свечи сальных»²⁰⁸. Пять больших свечей в «слух» у Никольской башни взял 15 октября Петр Горбатый²⁰⁹.

Всего с 10 по 16 октября в первый «слух» у Никольской башни (Ивана Кубарова) было взято 77 больших и малых свечей.

Почти одновременно упоминается другой «слух» под Никольской башней, брянского дворянина Василия Пролысского, который считался старшим среди брянских дворян в осажденном Смоленске. С его семьи начинались списки раздачи хлебного жалования брянчанам²¹⁰.

Для «слуха» Василия Пролысского новую партию в 8 свечей взял Гаврила Лутошин 13 октября²¹¹. 10 свечей было взято в его «слух» 14 октября²¹². На другой день 15 октября Василию Пролысскому было выдано 5 свечей²¹³. И в тот же день было дано «Василью Пролысскому к «слуху» под Никольскую башню 10 свеч»²¹⁴. Ещё 10 свечей было выдано 16 октября²¹⁵.

Всего с 10 по 16 октября в «слух» Василия Пролысского было выдано по записям 47 свечей.

Малый расход свечей под Никольской башней по сравнению с другими «слухами» можно объяснить тем, что обращенная к Днепровскому берегу стена была слабее. По словам наблюдателя из королевского лагеря ксендза Якуба Задзика, «более всего они боятся подкопов, поэтому во многих местах ставят контр-мины, которые, как доносят те же, ослабляют крепостные стены»²¹⁶. Вести земляные работы, тем более с учетом постоянных обстрелов соседней Богословской башни, приходилось особенно осторожно.

В результате работы с Записной книгой удалось установить 12 слуховых подкопов, существовавших в Смоленске в октябре 1609 года (Рис. 3):

1. «Слух» Кречета Микулина у Авраамиевский ворот (9-15 октября).
2. Первый «слух» Третьяка Серкова у Авраамиевской башни (14-16 октября).
3. Второй «слух» Третьяка Серкова у Авраамиевской башни (15-16 октября).
4. «Слух» у Еленских ворот (14 октября).
5. Первый «слух» Василия Петрыкина у Копытецких ворот (12-16 октября)
6. Второй «слух» Василия Коробанова у Копытецких ворот (15-16 октября).
7. «Слух» у башни Ратмана Чечетова (7-16 октября.).
8. «Слух» у башни Ивана Жидовинова (11-16 октября).
9. «Слух» Богдана Романченкова под Богословской башней (7-16 октября.).
- 10.«Слух» Семена Сназина у Богословской башни (10-16 октября).
- 11.«Слух» Ивана Кубарова (Уварова?) между Богословской и Никольской башнями в тайнике (10-16 октября).
- 12.«Слух» под Никольской башней Василия Пролысского (10-16 октября).

В Смоленске упоминаются и другие «слухи», которые могли быть тождественны уже известным, а могли быть и самостоятельными. Уже был назван «слух» Михаила Румянцева²¹⁷. С 10 по 15 октября несколько раз упоминается «слух» Александра Неелова²¹⁸. С 9 по 15 октября ежедневно брал свечи посадской человек, целовальник Лукьян Михайлович Долгово²¹⁹. В случае с Александром Нееловым и Лукьяном Долгово можно уверенно говорить об отдельных постоянных «слухах».

12, 14 и 16 октября брал свечи Семен Логвинев²²⁰. 16 октября дважды упомянут «слух» Замятни Философова²²¹. Есть единичные упоминания о

выдаче свеч в «слухи» Максиму Бибикову, Ждану Кубарову, Терюшному Облязеву, Ивану Коробанову, Миките Еремееву²²².

В записях о выдаче свечей постоянно упоминаются только двое из семи мастеров: Арсений Старец и Иван Бехтерец. Место их работы чаще всего не упомянуто. Удастся вычислить, что в ночь с 15 на 16 октября Иван Бехтерец работал в новом «слухе» у Копытецких ворот, а Арсений Старец 16 октября работал в старом «слухе» у Авраамиевской башни. В Записной книге не сказано, дежурили ли они посменно, или же каждый на своем участке стены. Однако смоленские мастера участвовали в создании каждого из известных нам «слухов».

На мастерах лежала техническая сторона дела, на дворянах и осадных земцах — общее руководство. Привычные к тяжелому труду посадские люди и крестьяне посменно копали землю и дежурили в «слухах». Работать проходило в суровых условиях подземелья.

Сохранились отдельные сведения о технических средствах, которые использовали для работ под землей.

Для работы в «слухах» устанавливали специальные опорные столбы — подпоры. В Расходной книге Разрядной избы за март 1610 года сохранился воеводский приказ выдать деньги казенным плотникам Сеньке Иванову и Богдашке, а также их 24-м товарищам. Деньги (1 рубль 24 алтын 4 деньги) им полагались за то, что они «делали в розных местех торасы рубили и к пушкам станки и сабаки и в «слухех» подпоры подпирали»²²³.

Из той же денежной книги мы узнаем о выплате денег за свечи в марте 1610 года. Есть три варианта выплат:

1. «За шеснатцать под и за осьмь гривенокъ сала, и за светильна, и мастером от свеч за дела двенатцать рублев и тритцать алтынъ три деньги. А даны те свечи в «слухи»²²⁴.

2. «За сала, и за светильна, и на свечки мастером за дело от свеч и от литья от черепеняк по розписи посадцких старост за рукою Луки Горбачова одинатцать рублев и дватцать сем алтын пять денег»²²⁵.

3. «За дватцать за два пуда за тритцать гривенок сала и на свечи за светильна и мастером от дела на кормь одинатцать рублев дватцать шесть алтын пять денег; а взято сало на свечи и в черепни в «слухи» и по городу на башни»²²⁶.

Сопоставить вес свечного сала с суммой денег и выявить стоимость и количество свечей по этим записям трудно. Свечи, как уже было сказано, были разных размеров и типов. Для изготовления свечей требовались, помимо сала, черепни (плошки) и светильна (фитили). Сальные свечи дымили сильнее, чем восковые и, как любой огонь, поглощали воздух. Они давали необходимый свет, но усиливали духоту подземелья.

Помимо свечей и подпорок для работы в «слухах» был необходим землекопный инструмент. В Записной книге отмечено за 15 (25) октября: «Лопата железная литовская отдана в «слух» под Богословскую башню по ней плотник Богдашка»²²⁷. Эта лопата была не совсем обычной, поскольку её отдали в самый важный из «слухов» и особо отметили в книге записей. Вместе с лопатой отправили казенного плотника, который мог при необходимости быстро её починить. Ценность литовской лопаты была в том, что она была железная. А значит, обычно в «слухах» использовали более простой инструмент: деревянные лопаты, заступы, пешни.

Появление в Смоленске литовской лопаты, возможно, было связано с событиями 15 (25) октября. В этот день несколько смолян перебрались из крепости на противоположный берег Днепра и похитили пехотное знамя старосты Любомирского²²⁸. Это примечательное событие отмечалось всеми историками, которые описывали оборону Смоленска. Возможно, вместе со знаменем смоляне прихватили одну из шанцевых лопат. Трофейная лопата стала важным этапом в развитии русского саперного инструмента.

К сожалению, все наши сведения о работах в «слухах» ограничиваются коротким промежутком времени с 5 (15) по 16 (26) октября, после чего записи в книге обрываются.

Подкопные бои начались позднее. Первый подземный бой произошел 6 (16) января 1610 года²²⁹. За три дня до этого «слухи» были приведены в боевую готовность. В этот день воеводы послали память Ивану Битяговскому и Тимофею Кошелеву: «...ведати им и назирати те «слухи», которые «слухи» копал арихиепискупль приказной человек Третьяк Серков, и сторожи для береженья в тех «слухах» ставити по переменах, которые сторожи в тех «слухах» наперед сего бывали. А назирати те «слухи» самим Ивану и Тимофею почаству»²³⁰.

Битяговский и Кошелев были назначены для боевого дежурства в «слухи» у Авраамиевской башни, поскольку именно их создавал Третьяк Серков. Не подлежит сомнению, что такие инструкции давались и для других «слухов». Подземный бой тремя днями позднее произошел на противоположном конце крепостной стены, в одном из «слухов» у Богословской башни²³¹.

Во время боев мастера подкопного дела продолжали свою службу. Теперь их задача состояла в том, чтобы взрывать неприятельские подкопы.

Со стороны шанцев Вайера минерными работами руководил инженер Шембек. 25 января (4 февраля) защитники Смоленска смогли подорвать его подкоп²³². Самого инженера и шестерых пехотинцев засыпало землей. Однако Шембек смог выкопаться свободной рукой при помощи сабли и под обстрелом добежал до шанцев.

Через два дня Шембек в отместку подвел заряд под русский слуховой ход. От взрыва подкоп обрушился. По словам королевского дневника, под землей погибли несколько десятков русских вместе с мастером²³³. Гибель мастера позднее подтвердил некий «боярин», сбежавший из крепости. «Боярином» оказался «детина» Пименка Григорьев, дворянский сын из Лихвина, который перед осадой записался в холопство к дорогобужскому дворянину Степану Тиханову²³⁴. Сам Тиханов был осадным головой на круглой башне №27, рядом с которой был «слух» Василия Коробанова²³⁵. От своего хозяина Пименка мог слышать о том, что происходило в «слухах».

По словам перебежчика, мастер пытался сам подорвать подкоп Шембека и во время взрыва погиб от собственного заряда²³⁶. Это произошло 27 января (6 февраля). Кто из семерых мастеров погиб в этот день, неизвестно.

Ещё один мастер погиб в июле. В это время борьба за крепость сосредоточилась не вокруг Богословской башни, а вокруг пролома к северу от Копытецких ворот. Якуб Задзик отметил в письме от 24 июля, что в среду, когда на стенах Смоленска «часто стреляли из мортир, в одном месте с ними обвалилась земля и раздавила их около тридцати вместе с мастером»²³⁷. Это произошло 11 (21) июля 1610 года. Через пять дней, в понедельник 26 июля осажденные взорвали почти завершённый подкоп инженера Апельмана и погребли под землей несколько немцев²³⁸.

В результате за первые полгода подземных боев погибли двое из семи мастеров подкопного дела. Причина гибели была разной, но в обоих случаях речь шла о рутинной опасности, которая была неизменной частью подземной службы.

Как сложилась судьба остальных пяти мастеров, неизвестно. Мы можем только предполагать, что мастер Арсений Старец был жив в январе 1611 года, поскольку его упомянули в деле Алексея Самарина²³⁹. Но и о нем наши сведения крайне скудны, а об остальных известно еще меньше.

Подземная служба смоленских мастеров и тех горожан, которые работали и несли караулы в «слуках», была непривычно тяжелой и непредсказуемо опасной. И все же они успешно выполняли свою боевую задачу. Вот что вспоминал о «слуках» участник смоленской осады Самуил Маскевич: «Пользуясь ими, Москвитяне подрывались из крепости под основание стен и либо встречались с нашими, либо подводили мины под наши подкопы, и, взорвав их порохом, работы истребляли, а людей заваливали и душили землею, так что мы иногда откапывали своих дня чрез три и четыре. От того подкопы наши долго оставались без действия»²⁴⁰.

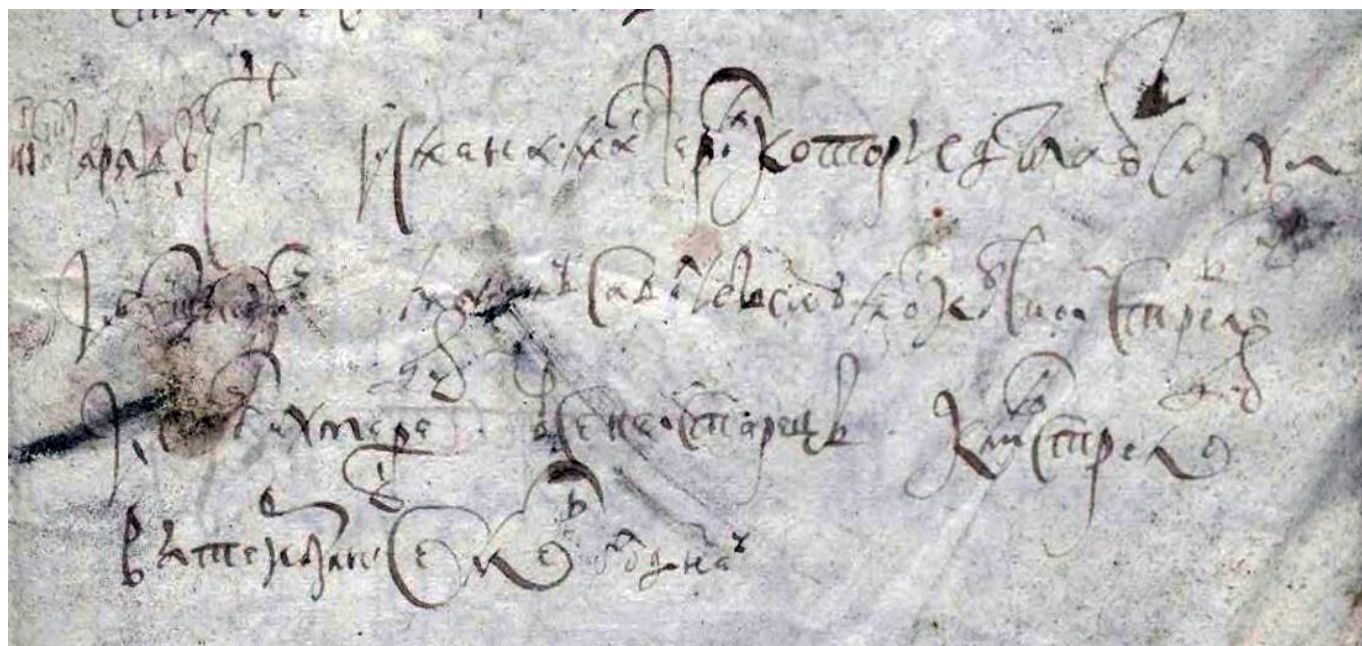
История семи смоленских мастеров почти полностью скрыта от нас, подобно тому, как когда-то была скрыта их подземная работа глубоко под

стенами Смоленска. И все же наша задача — сохранить память о них, и о тех «слухах», которые они создали для защиты важнейшей крепости на западном рубеже России.

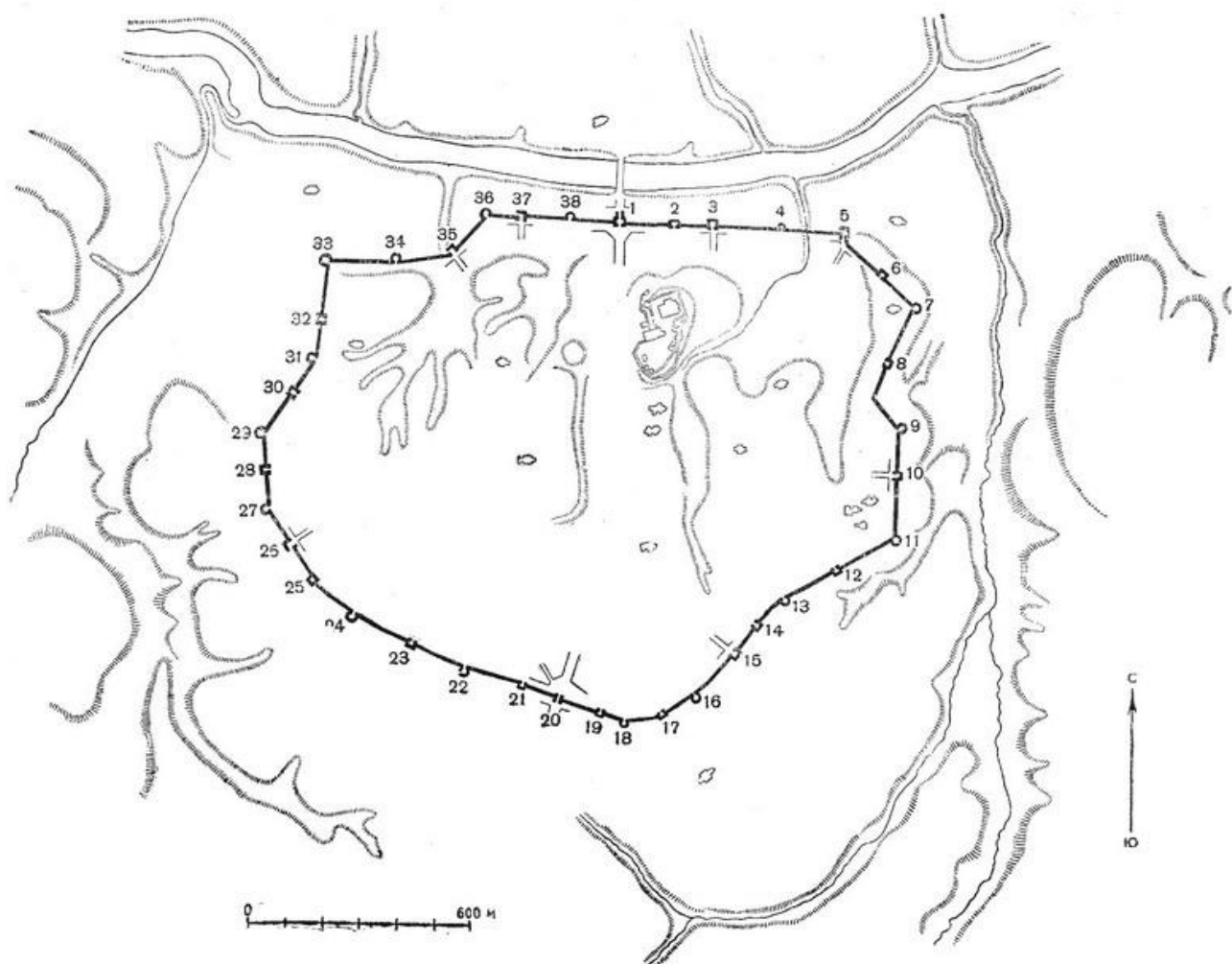
Что же касается смоленского «дневника обороны» — Записной книги Разрядной избы за сентябрь-октябрь 1609 года — то этот ценнейший источник должен быть обязательно опубликован. Важные сведения содержит и упомянутая в статье Расходная книга Разрядной избы за март 1610 года. Обе книги нужно публиковать с подробным комментарием. Эту задачу мы постараемся осуществить в ближайшее время.

1 августа — 3 сентября 2019 года, Санкт-Петербург.

Приложения

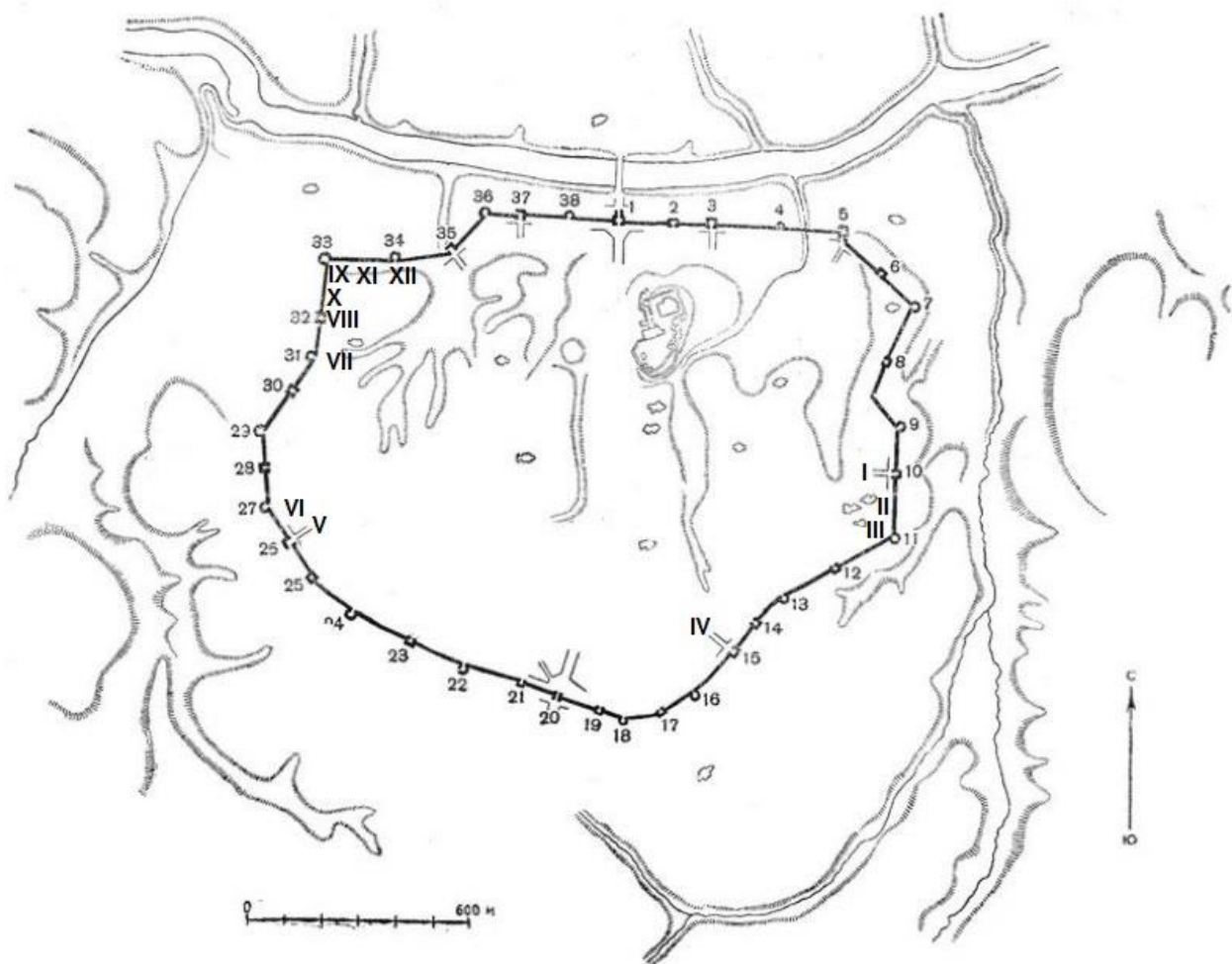

Из Записной книги 1609 года: «118 года октября в 3 день имена мастерам, которые делают «слухи»: Иван Шпилин, Максим Савельев сын Москутный Стрелец, Иван Бехтерец, Орсеней Старец, Клим Стрелец, В[я]тер Козанец, Семен Болдинец»

План Смоленской крепости. Реконструкция Косточкина В.В.²⁴¹

1 – **Ворота Днепровские**, “что у Фроловского моста”; 2 – Башня четверугольная Семенская; 3 – Лазоревские ворота; 4 – Башня круглая Крылошевская; 5 – **Крылошевские ворота**; 6 – Башня четверугольная Стефанская; 7 – Башня круглая Лучинская; 8 – Башня четверугольная; 9 – Башня круглая Городецкая; 10 – **Авраамиевские ворота**; 11 – **Башня круглая Авраамиевская**; 12 – Башня четверугольная; 13 – Башня круглая; 14 – Башня четверугольная; 15 – **Еленинские ворота**; 16 – Башня круглая; 17 – Башня четверугольная; 18 – Башня круглая; 19 – Башня четверугольная; 20 – **Ворота Молоховские**; 21 – Башня четверугольная; 22 – Башня круглая; 23 – Башня четверугольная; 24 – Башня круглая; 25 – Башня четверугольная; 26 – **Копытенские ворота**; 27 – Башня круглая; 28 – Башня четверугольная; 29 – Башня круглая; 30 – Башня четверугольная; 31 – Башня круглая; 32 – Башня четверугольная; 33 – **Башня круглая Богословская**; 34 – **Башня круглая Никольская**; 35 – Пятницкие ворота; 36 – Башня круглая Иворовская; 37 – Пятницкие Водяные ворота; 38 – Башня круглая Городецкая.

Примерное расположение «слухов» на схеме Смоленской крепости. За основу взята реконструкция В.В. Косточкина, нумерация башен см. предыдущую иллюстрацию

- I. «Слух» Кречета Микулина у Авраамиевский ворот.
- II. Первый «слух» Третьяка Серкова у Авраамиевской башни.
- III. Второй «слух» Третьяка Серкова у Авраамиевской башни.
- IV. «Слух» у Еленских ворот.
- V. «Слух» Василия Петрыкина у Копытецких ворот.
- VI. «Слух» Василия Коробанова у Копытецких ворот.
- VII. «Слух» у башни Ратмана Чечетова.
- VIII. «Слух» у башни Ивана Жидовинова.
- IX. «Слух» Богдана Романченкова под Богословской башней.
- X. «Слух» Семена Сназина у Богословской башни.
- XI. «Слух» между Богословской и Никольской башнями. («Тайник»).
- XII. «Слух» под Никольской башней Василия Пролысского.

¹ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 62-64, 122-125, 127-130, 161-162, 170-175, 177, 200-203, 207-208, 214-219, 222-223, 230-234, 239-249, 255-259, 273-276, 289-294, 301-302, 307-313, 316-320, 342, 351-352, 354-355, 357-358, 384-393, 416-417, 421-422.

Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912.

² Elisabeth Löfstrand, Per Ambrosiani. The Stockholm Smolensk archives: History, contents and cataloguing // Петербургский исторический журнал. — СПб., 2017. — № 3. — С. 162-173.

Селин А.А. «Смоленский архив» и королевские пожалования под Смоленском 1610-1611 гг. // Wschodni Rocznik Humanistyczny. — 2018. — Т. 15. — № 1. — С. 7-22.

Тюменцев И.О. Архив Смоленской приказной палаты Смутного времени: перспективы изучения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — 2018. — Вып. 8. — С. 402-408.

³ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. — Смоленск, 1940. — С. 230, 272, 326.

Александров С.В. Смоленская осада 1609-1611. — М., 2011. — С. 196-197, 212.

⁴ Молочников А.М. «У Государева дела, у «слухов»: саперная служба в Смоленске в 1609–1611 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 23-70. <http://www.milhist.info/2014/05/21/molochnikov_4> (21.05.2014).

⁵ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 535-536.

Письма Я. Задзика Л. Гембицкому // Эйлбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. — Новосибирск, 2013. — С. 255-256.

⁶ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 17 об.

⁷ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 158.

Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 311.

⁸ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 450-451.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Стб. 614-615.

¹¹ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. Л. [Без номера] об.

¹² Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 143.

¹³ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 316-317.

¹⁴ Там же. — С. 318.

- ¹⁵ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 21.
- ¹⁶ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 318.
- ¹⁷ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872 — Т. I. — Стб. 452.
Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 31.
- ¹⁸ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 454.
Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 318.
- ¹⁹ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 455.
- ²⁰ Там же. — Стб. 434, 436.
- ²¹ Там же. — Стб. 440.
- ²² Там же. — Стб. 436.
- ²³ Там же. — Стб. 437.
- ²⁴ Там же. — Стб. 455.
- ²⁵ Там же. — Стб. 455-456.
- ²⁶ Там же. — Стб. 455.
- ²⁷ Там же. — Стб. 456.
- ²⁸ Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. — СПб., 1859. — Т. 1. — С. 26-27.
- ²⁹ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 21.
- ³⁰ Там же. — Л. 20.
- ³¹ Там же. — Л. 21об.
- ³² Там же. — Л. 22об.
- ³³ Там же. — Л. 31.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. — СПб., 1871. — С. 129.
- ³⁸ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 36.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. — Л. 31.
- ⁴¹ Там же. — Л. 24.
- ⁴² Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 134-139, 185-197.
- ⁴³ Там же. — С. 140-147, 170-173.
- ⁴⁴ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 529.

- ⁴⁵ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 24.
- ⁴⁶ Там же. — Л. 27.
- ⁴⁷ Там же. — Л. 28 об.
- ⁴⁸ Там же. — Л. 30 об.
- ⁴⁹ Там же. — Л. 33.
- ⁵⁰ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 156.
- ⁵¹ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. Л. 31 об.
- ⁵² Там же. — Л. 33.
- ⁵³ Смирнов Н.В. Боевые слуги в составе русской поместной конницы в период Ливонской войны [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. I. Статьи. Вып. II. — С. 325 <http://www.milhist.info/2013/08/20/smirnov_01> (20.08.2013).
- ⁵⁴ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 22 об.
- ⁵⁵ Там же. — Л. 24 об.
- ⁵⁶ Там же. — Л. 27.
- ⁵⁷ Там же. — Л. 28 об.
- ⁵⁸ Там же. — Л. 29.
- ⁵⁹ Там же. — Л. 36.
- ⁶⁰ Сапожников Н.В. Историческая топография древнего Смоленска. — Смоленск, 2016. — С. 179.
- ⁶¹ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 233-238.
- ⁶² Там же. — С. 233.
- ⁶³ Там же. — С. 126.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:156. [Фрагмент дела о взимании Алексеем Самариным посулов с Печерского монастыря]. — Л. 1.
- ⁶⁶ Паерле Георг. Записки Георга Паерле. — Рязань, 2009. — С. 286-287.
- ⁶⁷ Там же. — С. 288.
- ⁶⁸ Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков // Воинские повести Древней Руси. — Л., 1985. — С. 327.
- ⁶⁹ Смоленская крестоприводная книга 1598 г. // Источники по истории русского языка. — М., 1976. — С. 161.
- ⁷⁰ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 137.
- ⁷¹ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. [Без номера] об.
- ⁷² Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 104.

⁷³ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 34 об.

⁷⁴ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 235.
Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:20 [Фрагмент описи церковных и монастырских дворов]. — Л. 1.

⁷⁵ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 36 об.

⁷⁶ Там же. — Л. 21 об.

⁷⁷ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 459.

⁷⁸ Там же. — Стб. 460.

⁷⁹ Там же. — Стб. 461.

⁸⁰ Там же. — Стб. 462.

Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 317, 319.

⁸¹ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 21 об.

⁸² Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 462.

⁸³ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 21 об.

⁸⁴ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 463.

⁸⁵ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 21 об.

⁸⁶ Там же. — Л. 22.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 463.

⁸⁹ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 22.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. — Л. 34.

⁹³ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 156.

⁹⁴ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 22, 24, 24 об., 25 об., 34.

⁹⁵ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 463.

⁹⁶ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 316-320, 421-422.

⁹⁷ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 23 об.

⁹⁸ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 464.

⁹⁹ Там же. — Стб. 467.

¹⁰⁰ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 30.

Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 318.

¹⁰¹ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 22 об-23.

¹⁰² Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 463.

¹⁰³ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 24, Л. 25 об.

¹⁰⁴ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 466.

¹⁰⁵ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 30 об., 31 об., 34, 34 об, 35 об.

¹⁰⁶ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 453-454.

¹⁰⁷ Там же. — Стб. 484.

¹⁰⁸ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 30 об.

¹⁰⁹ Там же. — Л. 35 об.

¹¹⁰ Там же. — Л. 19.

¹¹¹ Там же. — Л. 21 об.

¹¹² Там же. — Л. 22.

¹¹³ Там же. — Л. 23.

¹¹⁴ Там же. — Л. 22 об.

¹¹⁵ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 453-454.

¹¹⁶ Там же. — Стб. 454.

¹¹⁷ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 23.

- ¹¹⁸ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 417.
- Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 109, 115.
- ¹¹⁹ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 26.
- ¹²⁰ Там же. — Л. 26 об.
- ¹²¹ Смоленская крестоприводная книга 1598 г. // Источники по истории русского языка. — М., 1976. — С. 166.
- ¹²² Десятня 7114 (1605/1606) года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. — Смоленск, 1940. — С. 367.
- ¹²³ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 308.
- ¹²⁴ "Роспись Смоленского полону, которые взяты в Смоленске" // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. — СПб., 1913. — Т. 142. — С. 373, 377.
- ¹²⁵ Десятня 7114 (1605/1606) года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. — Смоленск, 1940. — С. 392.
- ¹²⁶ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 30 об., 31 об.
- ¹²⁷ Там же. — Л. 34 об., 35 об.
- ¹²⁸ Там же. — Л. 32 об.
- ¹²⁹ Там же. — Л. 30.
- ¹³⁰ Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. — СПб., 1859. — Т. 1. — С. 26.
- ¹³¹ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 310.
- ¹³² Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 86, 255-257.
- Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 62-64.
- ¹³³ Десятня 7114 (1605/1606) года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. — Смоленск, 1940. — С. 368.
- ¹³⁴ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 27, 28.
- ¹³⁵ Там же. — Л. 28 об., Л. 30.
- ¹³⁶ Там же. — Л. 30 об.
- ¹³⁷ Там же. — Л. 31 об.
- ¹³⁸ Там же. — Л. 34, 36.
- ¹³⁹ Там же. — Л. 33.
- ¹⁴⁰ Там же. — Л. 33 об.
- ¹⁴¹ Там же. — Л. 36.
- ¹⁴² Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 245.

- ¹⁴³ Там же. — С. 117.
- ¹⁴⁴ Десятня 7114 (1605/1606) года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. — Смоленск, 1940. — С. 368.
- ¹⁴⁵ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 310.
- ¹⁴⁶ Десятня 7114 (1605/1606) года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. — Смоленск, 1940. — С. 371.
- ¹⁴⁷ Там же. — С. 387
- ¹⁴⁸ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 22, 24.
- ¹⁴⁹ Там же. — Л. 28.
- ¹⁵⁰ Там же. — Л. 29.
- ¹⁵¹ Там же. — Л. 31 об.
- ¹⁵² Там же. — Л. 32 об.
- ¹⁵³ Там же. — Л. 34 об., 35 об.
- ¹⁵⁴ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 20-21. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 292-294.
- ¹⁵⁵ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 310.
- ¹⁵⁶ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 151-158.
- ¹⁵⁷ Там же. — С. 157.
- ¹⁵⁸ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 35.
- ¹⁵⁹ Там же. — Л. 26 об.
- ¹⁶⁰ Там же. — Л. 31 об.
- ¹⁶¹ Десятня 7114 (1605/1606) года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. — Смоленск, 1940. — С. 372.
- ¹⁶² Там же. — С. 380.
- ¹⁶³ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 30.
- ¹⁶⁴ Там же. — Л. 31 об., 32 об., 33.
- ¹⁶⁵ Там же. — Л. 33 об.
- ¹⁶⁶ Там же. — Л. 34.
- ¹⁶⁷ Там же. — Л. 35 об., 36.
- ¹⁶⁸ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 157.
- ¹⁶⁹ Там же. — С. 215.
- ¹⁷⁰ Там же. — С. 157.
- ¹⁷¹ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 311.
- ¹⁷² Там же. — С. 310.
- Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 157.

- ¹⁷³ Десятня 7114 (1605/1606) года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. — Смоленск, 1940. — С. 384, 391, 392.
- ¹⁷⁴ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 122-123.
- ¹⁷⁵ Там же. — С. 259.
- ¹⁷⁶ Там же. — С. 273-274
- ¹⁷⁷ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 80.
- ¹⁷⁸ Там же. — С. 112.
- ¹⁷⁹ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 22.
- ¹⁸⁰ Там же.
- ¹⁸¹ Там же. — Л. 24.
- ¹⁸² Там же. — Л. 25 об., 26.
- ¹⁸³ Там же. — Л. 28.
- ¹⁸⁴ Там же. — Л. 28 об., 29.
- ¹⁸⁵ Там же. — Л. 30.
- ¹⁸⁶ Там же. — Л. 32 об., 33 об.
- ¹⁸⁷ Там же. — Л. 34.
- ¹⁸⁸ Там же. — Л. 34 об., 35 об., 36.
- ¹⁸⁹ Десятня 7114 (1605/1606) года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. — Смоленск, 1940. — С. 369.
- ¹⁹⁰ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 24.
- ¹⁹¹ Там же. — Л. 26 об., 27.
- Десятня 7114 (1605/1606) года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. — Смоленск, 1940. — С. 383.
- ¹⁹² Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 27 об.
- ¹⁹³ Там же. — Л. 29.
- ¹⁹⁴ Там же. — Л. 29 об., 30, 30 об.
- ¹⁹⁵ Там же. — Л. 32.
- ¹⁹⁶ Там же. — Л. 33 об.
- ¹⁹⁷ "Роспись Смоленского полону, которые взяты в Смоленске" // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. — СПб., 1913. — Т. 142. — С. 380.
- ¹⁹⁸ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 25, 26, 27.
- ¹⁹⁹ Десятня 7114 (1605/1606) года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. — Смоленск, 1940. — С. 391.
- ²⁰⁰ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 25 об.

²⁰¹ Десятня 7114 (1605/1606) года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. — Смоленск, 1940. — С. 383.

²⁰² Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 310.

Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 157.

Десятня 7114 (1605/1606) года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. — Смоленск, 1940. — С. 367.

²⁰³ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 26 об.

²⁰⁴ Там же. — Л. 27.

²⁰⁵ Там же. — Л. 27 об.

²⁰⁶ Там же. — Л. 29.

²⁰⁷ Там же. — Л. 32 об.

²⁰⁸ Там же. — Л. 33.

²⁰⁹ Там же. — Л. 35 об.

²¹⁰ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 175.

²¹¹ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 29.

²¹² Там же. — Л. 30 об.

²¹³ Там же. — Л. 31 об.

²¹⁴ Там же. — Л. 35.

²¹⁵ Там же. — Л. 36 об.

²¹⁶ Письма Я. Задзика Л. Гембицкому // Эйлбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. — Новосибирск, 2013. — С. 255.

²¹⁷ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 22, 24, 24 об., 25 об., 34.

²¹⁸ Там же. — Л. 22 об., 24, 25, 26, 30, 31 об., 32.

²¹⁹ Там же. — Л. 22 об., 25, 26, 28 об., 29, Л. 33.

²²⁰ Там же. — Л. 28 об., 30, 34 об.

²²¹ Там же. — Л. 22, 34 об., 35, 35 об.

²²² Там же. — Л. 27, 28, 28 об., 29 об., 36.

²²³ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:251 [Расходная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 46.

²²⁴ Там же. — Л. 40.

²²⁵ Там же. — Л. 43.

²²⁶ Там же. — Л. 45-45 об.

²²⁷ Riksarkivet. Skoklosterssamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)]. — Л. 35.

²²⁸ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 465.

²²⁹ Там же. — Стб. 516-517.

²³⁰ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 55.

-
- ²³¹ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 516.
- ²³² Там же. — Стб. 535.
- ²³³ Там же. — Стб. 536.
- ²³⁴ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 64.
- ²³⁵ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 310.
- Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 156.
- ²³⁶ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года. — СПб., 1872. — Стб. 536.
- ²³⁷ Письма Я. Задзика Л. Гембицкому // Эйлбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. — Новосибирск, 2013. — С. 255-256.
- ²³⁸ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года. — СПб., 1872. — Стб. 636.
- ²³⁹ Памятники обороны Смоленска (1609-1611 гг.). — М., 1912. — С. 125-126.
- ²⁴⁰ Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. — СПб., 1859. — Т. 1. — С. 28.
- ²⁴¹ Косточкин В.В. Государев мастер Федор Конь. — М., 1964. — С. 83.